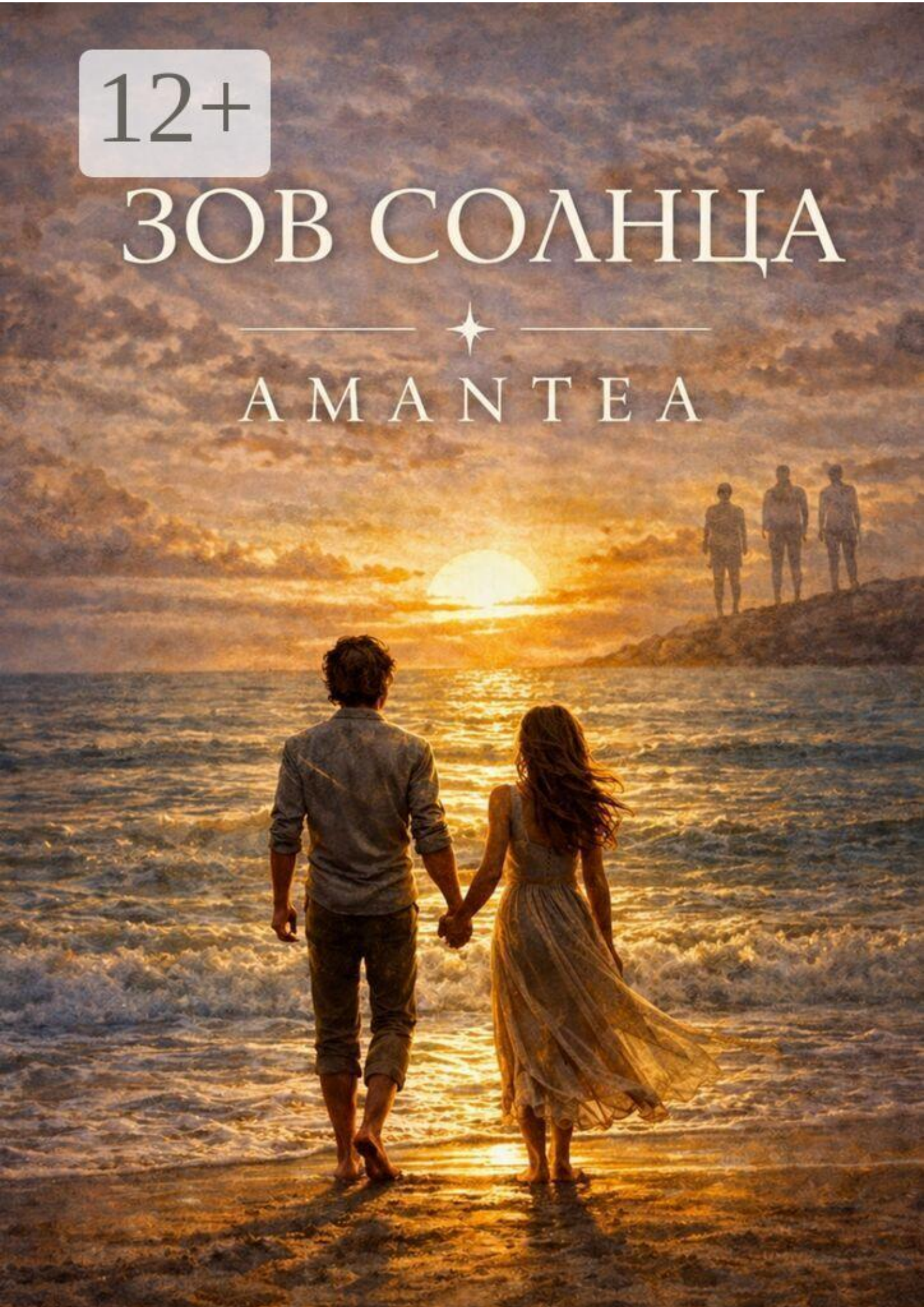

12+

30В СОЛНЦА

— ✨ —
АМАНТЕА

Amantea
Зов солнца

«Издательские решения»

Amantea

Зов солнца / Amantea — «Издательские решения»,

Когда древние легенды начинают оживать, человечество сталкивается с тем, что долго считалось мифом. Нибиру, Фабос и тайны прошлого становятся частью новой реальности. Но главный вопрос остаётся прежним: способен ли человек услышать собственный внутренний зов?

Содержание

ЗОВ СОЛНЦА	6
ЗОВ СОЛНЦА	7
◆ СЛОВО АВТОРА	8
◆ АННОТАЦИЯ	9
◆ ЧАСТЬ I ФАБОС	10
◆ ГЛАВА II МАРС	12
◆ ГЛАВА III НАБЛЮДЕНИЕ	13
◆ ГЛАВА IV РЕШЕНИЕ	14
◆ ГЛАВА V ПЕРВЫЙ УДАР	17
◆ ГЛАВА VI РАЗРУШЕНИЕ	21
◆ ГЛАВА VII ВЫЖИВШИЕ	25
◆ ГЛАВА VIII ОСОЗНАНИЕ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Зов солнца

Amantea

© Amantea, 2026

ISBN 978-5-0070-2162-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗОВ СОЛНЦА

Роман

Автор: AMANTEA

© AMANTEA, 2026

Все права защищены.

Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена, сохранена в информационно-поисковой системе или передана в любой форме и любыми средствами — электронными, механическими, фотокопированием, записью или иными способами — без письменного разрешения автора, за исключением кратких цитат в рецензиях и научных публикациях.

Первое издание, 2026 год.

Другие книги автора AMANTEA

«Цивилизация без смысла»

«Человек и будущее»

«Хроника невидимого управления человечеством:

Архитекторы тьмы»

«Невидимое управление человечеством:

Лабиринты контроля»

**ЗОВ СОЛНЦА
АМАНТЕА
ЭПИГРАФ**

Иногда истина приходит не как ответ.
Она приходит как вопрос,
который невозможно забыть.
И, возможно, человечество —
это не начало и не конец,
а путь, который однажды
начал задавать вопросы самому себе.

СЛОВО АВТОРА

Эта книга родилась из одного простого вопроса.
Что, если человечество — не случайность?
Что, если наша история началась не только на Земле?
Мы привыкли думать о древних мифах как о фантазиях.
Но иногда мифы — это память, которую человечество хранит в символах.
Этот роман не пытается доказать какую-то теорию.
Он задаёт вопрос.
Что происходит, когда создатели наблюдают за своим творением слишком долго?
Может ли эксперимент обрести свободу?
Может ли наблюдатель стать частью того мира, который он должен был лишь изучать?
В этой книге наука встречается с мифом, а история — с воображением.
И если в конце читатель задаст себе хотя бы один новый вопрос о происхождении человечества,
значит эта история была рассказана не напрасно.

— AMANTEA

АННОТАЦИЯ

Когда-то Марс был домом.

Но цивилизация, достигшая вершин разума, не смогла пережить собственное совершенство.

Когда их мир начал умирать, они нашли новую планету — молодую, дикую и полную жизни.

Землю.

Там они решили начать заново.

Не как завоеватели, а как создатели.

Так появились Адамы — существа между двумя мирами, посланные наблюдать, направлять и осторожно изменять ход развития человечества.

Но жизнь невозможно полностью просчитать.

На Земле появились чувства.

Выбор.

Свобода.

И однажды один из наблюдателей — Анкар — понял, что эксперимент начинает жить собственной жизнью.

Между холодными залами Нибиру и тёплым дыханием Земли рождается новая история человечества — история, где создатели могут потерять контроль над своим творением, и где одна человеческая жизнь способна изменить судьбу целой цивилизации.

Это роман о происхождении.

О выборе.

О памяти Земли.

И о том моменте, когда эксперимент превращается в историю.

ЧАСТЬ I ФАБОС

ГЛАВА I МИР БЕЗ ТЕНИ

На Фабосе не было ночи.

Свет не исчезал — он менял форму. Когда звезда уходила за край горизонта, города начинали светиться сами. Не ярко и не агрессивно — ровно настолько, чтобы ни одна тень не могла укрыться слишком глубоко. Тени на Фабосе считались недоработкой.

Архитектура поднималась слоями. Платформы наслаивались друг на друга, словно мир строили по чертежу, не позволяя себе хаоса. Всё было рассчитано: углы, расстояния, высота переходов, направление потоков воздуха. Даже деревья росли не там, где хотели, а там, где их посадили.

Фабовцы не считали это ограничением. Они называли это порядком.

Их города были красивы. Холодной, правильной красотой.

Прозрачные мосты соединяли башни. Под ними текли каналы с водой, по которой медленно двигались транспортные платформы. Воздух был чистым, почти стерильным. Болезни на Фабосе исчезли задолго до того, как люди научились летать между планетами.

Они победили почти всё:

болезни,

голод,

случайность,

хаос,

смерть от природы.

Осталось победить только одно — самих себя.

Но это они поняли намного позже.

Общество Фабоса строилось не на власти и не на деньгах. Оно строилось на знаниях и эффективности. Каждый человек с рождения проходил тестирование, обучение, распределение. Никто не выбирал путь — путь выбирала система.

Система не считалась тюрьмой.

Система считалась разумом планеты.

И действительно, она работала идеально.

Никто не голодал.

Никто не был бездомным.

Никто не жил бессмысленно.

Каждый был нужен.

Но вместе с беспорядком исчезло и нечто другое — свобода ошибаться.

А без права на ошибку невозможно право на выбор.

Этого фабовцы тогда ещё не понимали.

Они считали себя высшей формой разума.

Они наблюдали за другими мирами.

Они изучали Марс.

Они изучали Землю.

Они изучали жизнь как систему, которую можно улучшить.

И однажды кто-то из них сказал фразу, которая изменила всё:

— Если разум может создать порядок, значит, разум должен управлять жизнью.

Эта фраза сначала показалась логичной.

Потом — правильной.

А потом стала опасной.

Потому что в ней не было одного слова.

Свобода.

Именно в тот момент, когда цивилизация начинает считать, что она знает, как правильно жить всем, она делает первый шаг к катастрофе.

Но на Фабосе об этом ещё никто не думал.

Они строили идеальный мир.

И не заметили, как сами стали его частью.

ГЛАВА II МАРС

Марс был другим.

Если Фабос был планетой разума, то Марс был планетой духа.

Там не строили идеальные города. Там строили дома.

Не проектировали общество — жили племенами.

Не стремились контролировать природу — учились жить вместе с ней.

Марсиане знали больше, чем казались.

Они понимали энергию, поля, движение небес, ритмы жизни.

Но они не превращали знания во власть.

Они превращали знания в мудрость.

И именно это раздражало фабовцев больше всего.

Фабос умел строить машины, города, системы.

Марс умел строить людей.

Марсиане не боялись смерти так, как боялись её на Фабосе.

Они считали, что жизнь — это не линия, а круг.

Что человек не исчезает, а меняет форму.

Что страх смерти делает человека рабом, а понимание смерти делает его свободным.

Фабовцы считали это примитивной философией.

Марсиане считали фабовцев детьми, которые слишком рано получили власть.

Между планетами не было войны.

Но было соперничество.

Фабос хотел доказать, что разум выше духа.

Марс знал, что без духа разум становится опасным.

Они наблюдали друг за другом сотни лет.

И постепенно на Фабосе начали говорить всё чаще:

— Они отстают.

— Они не развиваются.

— Они не используют знания.

— Они не строят систему.

— Они живут слишком медленно.

Но иногда звучала и другая фраза:

— Они живут.

Эту фразу обычно говорили тихо.

Потому что она была опасной.

Если признать, что можно жить иначе — придётся признать, что идеальная система не единственный путь.

А это было начало сомнения.

А сомнение — начало свободы.

И поэтому сомнение на Фабосе не любили.

ГЛАВА III НАБЛЮДЕНИЕ

Наблюдение началось задолго до катастрофы.

Сначала это было научное исследование.

Потом — сравнение цивилизаций.

Потом — анализ развития.

Потом — моделирование будущего.

Фабовцы просчитывали всё:

рост населения,

развитие технологий,

ресурсы,

климат,

поведение обществ,

конфликты,

религии,

структуру власти.

Они могли предсказать почти всё.

Кроме одного.

Человека.

Потому что человек иногда делает не то, что выгодно, не то, что логично, и не то, что правильно.

Иногда человек делает то, что считает нужным.

А это невозможно просчитать.

Фабовцы начали говорить:

— Если мы будем наблюдать достаточно долго, мы сможем управлять развитием.

Сначала они просто наблюдали.

Потом начали помогать.

Потом — направлять.

Потом — вмешиваться.

Каждый следующий шаг казался логичным продолжением предыдущего.

Никто не просыпается утром с мыслью:

«Сегодня мы станем богами».

Это происходит постепенно.

Сначала ты просто умнее. Потом ты знаешь больше. Потом ты можешь помочь. Потом ты можешь исправить. Потом ты можешь решить. Потом ты считаешь, что должен решать.

Так рождается власть. Не из злобы.

Из уверенности, что ты знаешь лучше.

И именно это было началом конца Фабоса.

ГЛАВА IV РЕШЕНИЕ

Совет Фабоса собирался редко.

Не потому, что решений было мало. Напротив — почти всё в их мире давно уже решалось без людей. Системы считали лучше, быстрее и точнее, чем любой разум. Города дышали по заданным циклам, транспорт шёл без задержек, энергетические узлы не давали сбоев, климатические контуры держали равновесие, а население жило по модели, где случайность считалась пережитком варварских эпох.

Именно поэтому, когда Совет всё же собирался в полном составе, это означало только одно: речь шла не о частной ошибке, а о будущем всей цивилизации.

В этот раз на центральной проекции висел Марс.

Красная поверхность, реки, лесные массивы, тёплые долины, скопления поселений, энергетические линии, которые марсиане выстраивали не машинами, а каким-то иным — почти органическим — пониманием пространства. Изображение было безупречно точным. Данные стекались со всех наблюдательных спутников, наземных датчиков, старых зондов и скрытых точек наблюдения.

Но даже такой объём информации не давал Совету главного ответа.

Почему эта планета жила устойчиво без системы, подобной Фабосу?

Председатель Совета молчал дольше обычного. На Фабосе не любили лишних пауз, но в этот раз никто не нарушил тишину. Каждому в зале было ясно: вопрос не ограничивается Марсом. Вопрос касается самих основ мира, который они построили.

Наконец Председатель поднял руку, и графики перестроились. На месте карт появились линии развития: рождаемость, ресурсная устойчивость, показатели конфликтности, адаптация к климатическим колебаниям, коллективная реакция на угрозу.

— Обобщите, — сказал он.

Один из аналитиков встал.

— Марсианская модель демонстрирует высокую устойчивость без централизованного контроля. Горизонтальные связи между поселениями сохраняют систему даже при потере отдельных узлов. Вероятность внутреннего распада ниже прогнозируемой. Вероятность социального коллапса при локальных кризисах — минимальна.

В зале почти незаметно изменился воздух.

— Переведите на нормальный язык, — сказал другой член Совета.

Аналитик на секунду замялся, потом ответил прямо:

— Они живут хуже нас. Но их мир держится прочнее, чем должен.

Слова повисли, как тонкая трещина в идеально ровном стекле.

Председатель медленно перевёл взгляд на остальных.

— Иными словами, — произнёс он, — существует цивилизация, которая не соответствует нашей модели развития, но остаётся жизнеспособной.

— Пока, — сухо заметил один из старших.

— Нет, — возразил другой. — Уже слишком долго, чтобы говорить «пока».

Севан, стоявший чуть в стороне у теневого сектора проекционного поля, поднял глаза. Он не входил в число старейших, но его мнение давно весило больше, чем статус.

— Может быть, проблема не в Марсе, — сказал он. — Может быть, проблема в самой модели.

Некоторые члены Совета повернулись к нему почти одновременно.

— Вы хотите сказать, что наша система неполна? — спросил один из них.

Севан ответил спокойно:

— Я хочу сказать, что она слишком уверена в собственной полноте.

Тишина стала гуще.

На Фабосе спорили не голосом, а точностью формулировки. Каждый понимал: сейчас речь идёт уже не о Марсе, а о праве Фабоса считать себя вершиной развития.

Один из старейших, сухой, почти бесцветный мужчина с резкими чертами лица, медленно сложил пальцы на столе.

— Опасно не то, что они живут иначе, — сказал он. — Опасно то, что они могут стать доказательством: порядок возможен без нас.

Эта фраза ударила сильнее любой прямой угрозы.

Потому что наконец прозвучало настоящее ядро страха.

Не Марс.

Не его технологии.

Не его ресурсы.

А сама мысль, что существует другой путь.

Председатель развернул новую проекцию. Теперь над столом висели сценарии будущего.

Рост марсианских поселений.

Укрепление региональных союзов.

Устойчивость после катастроф.

Передача знаний между поколениями.

Отсутствие тотальной зависимости от одного центра.

— Через несколько поколений, — сказал Председатель, — мы получим цивилизацию, которая будет жить по иным принципам, но не уступать нам в выживаемости.

— И что в этом опасного? — спросил Севан.

Старейший ответил сразу:

— То, что она больше не будет нуждаться в сравнении с нами.

Севан почувствовал, как внутри у него поднимается что-то похожее на холодное раздражение.

— Вы говорите так, будто конкуренция важнее истины.

— Для цивилизации, — сказал Председатель,

— выживание всегда важнее истины.

— Нет, — тихо сказал Севан. — Иногда именно отказ от истины и убивает цивилизации.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом Координатор, до этого молчавший, подал голос. Его лицо оставалось спокойным, но в голосе появилась редкая для Фабоса живая интонация:

— Мы стоим на границе. И я хочу, чтобы это было сказано прямо. Сейчас мы решаем не вопрос наблюдения. Мы решаем, имеем ли право менять другой мир, только потому что он не укладывается в наши расчёты.

— Если система не поддаётся прогнозу, её необходимо проверить, — ответил старейший.

— Проверить чем? — спросил Координатор.

— Воздействием.

Слово прозвучало так ровно, будто речь шла о незначительной технической процедуре.

Севан резко поднял голову.

— Назовите вещи своими именами. Это не проверка. Это вмешательство.

— Иногда, — холодно сказал старейший, — граница между ними условна.

— Нет, — ответил Севан. — Проверка ищет истину. Вмешательство ищет подтверждение собственной правоты.

Председатель медленно поднялся.

— Мы не можем позволить себе роскошь философии. Мы отвечаем за безопасность Фабоса.

Координатор тоже встал.

— Безопасность, построенная на уничтожении непонятого, — это не безопасность. Это страх.

В зале стало почти физически тихо.

На Фабосе не любили это слово. Его не включали в отчёты. Его избегали в научных формулировках. Оно считалось слишком древним, слишком «человеческим», слишком грубым.

Но именно оно оказалось самым точным.

Председатель смотрел прямо на Координатора.

— Да, — сказал он. — Это страх. И что?

Эта честность оказалась страшнее любой лжи.

— Мы боимся будущего, в котором перестанем быть единственной формой порядка. Мы боимся мира, который не обязан быть похожим на нас, чтобы выжить. Мы боимся, что наш путь — не единственный. И я предпочитаю признать это, чем скрывать за красивыми словами.

Севан почувствовал, как внутри всё сжалось.

Потому что после такой фразы решение уже было почти принято.

Совет разделился. Не поровну — слишком многие всё ещё верили в право Фабоса направлять историю. Но и не без трещины.

Одни говорили о риске.

Другие — о долге.

Третьи — о научной необходимости.

Координатор говорил о границе, за которой разум перестаёт быть разумом.

Севан — о том, что сравнение не даёт права ломать.

Старейшие — о том, что медлить опаснее, чем действовать.

Спор длился долго.

Наконец Председатель провёл ладонью по панели, и над столом вспыхнула строка решения:

Разрешить разработку инструмента направленного воздействия.

Марс не назвали врагом.

Но с этого момента его перестали считать миром.

Он стал задачей.

После заседания Севан ждал Координатора в переходе между секторами. За прозрачной стеной шёл световой поток транспортного кольца, и лица проходящих людей на секунду вспыхивали холодным белым.

— Вы знали, что так будет? — спросил Севан.

Координатор остановился рядом.

— Да.

— Тогда зачем спорили?

Координатор долго смотрел куда-то мимо, будто видел не коридор, а годы вперёд.

— Потому что иногда сопротивление не меняет исход, — сказал он. — Но меняет память о нём.

Севан опустил глаза.

— Этого мало.

— Да, — тихо ответил Координатор. — Но иногда только это и остаётся.

Он ушёл, а Севан ещё долго стоял один.

Где-то далеко, на другой планете, Марс всё ещё жил своей неторопливой, мягкой жизнью и не знал, что в холодном совершенном мире уже принято решение, которое однажды расколлет не только землю, но и саму историю.

ГЛАВА V ПЕРВЫЙ УДАР

Разработка шла быстро.

На Фабосе умели долго сомневаться до решения и беспощадно быстро действовать после него. Как только Совет дал доступ, лаборатории закрыли внешние контуры, энергетические сектора перевели в особый режим, а инженерные группы получили полный приоритет.

Инструмент не называли оружием.

На Фабосе вообще избегали прямых слов. Оружие казалось слишком древним, слишком грубым, слишком человеческим. Здесь предпочитали иные формулировки: направленная коррекция среды, локальное энергетическое воздействие, проверка предела устойчивости.

Но чем дольше Севан смотрел на чертежи, тем яснее понимал: за точностью терминов скрывают одно и то же.

Удар.

Он стоял в инженерном секторе, где на многоярусной проекции вращалась модель Марса. Поверхность планеты была прорезана линиями напряжения, гравитационными узлами, энергетическими пересечениями, скрытыми глубоко под корой.

Инженер рядом с ним провёл рукой по схеме.

— Вот здесь, — сказал он. — Мы не разрушаем структуру. Мы меняем напряжение в нескольких точках. Планета сама начинает перераспределение.

— И ты называешь это не разрушением? — спросил Севан.

Инженер не отвёл глаз от схемы.

— Разрушение — побочный эффект.

— Цель — выявить предел.

Севан долго смотрел на красноватый шар планеты.

— Иногда, — тихо сказал он, — предел не выявляют. Его создают.

Инженер усмехнулся, но не ответил.

На Марсе в это утро было спокойно.

Солнце поднималось над долинами медленно, золотя воду в реке. Женщины уже вышли к ручьям с корзинами. Мужчины собирались проверить стада у дальних склонов. Дети босиком носились по берегу, бросая плоские камни в воду и споря, чей круг уйдёт дальше.

Старый Элар сидел у жилища и чинил ремень. Рядом с ним Илар, ещё не подозревающий, что скоро мир изменится навсегда, пытался заточить лезвие.

— Не спеши, — сказал Элар. — Острое железо не любит нервных рук.

Илар вздохнул.

— Если делать всё так медленно, до вечера ничего не успеешь.

Старик усмехнулся.

— А если делать быстро и плохо, потом всю ночь будешь исправлять.

Илар хотел ответить, но в этот момент одна из собак резко подняла голову и зарычала в сторону холма.

Элар сразу насторожился.

— Что такое? — спросил Илар.

Старик не ответил. Он смотрел на воду.

Река вела себя странно.

Поверхность оставалась ровной, но в глубине, под прозрачным течением, шло какое-то тяжёлое движение, будто вода вдруг стала плотнее.

— Ты это видишь? — спросил Элар тихо.

Илар присмотрелся.

— Что именно?

— Она идёт не так.

Илар хотел улыбнуться, но не успел.

Где-то очень глубоко, под поверхностью планеты, дрогнуло напряжение.

На Фабосе раздалась короткая команда:

— Контур воздействия активирован.

Никакой торжественности.

Никаких речей.

Только холодный свет приборов, линии графиков и подтверждение по всем каналам.

Севан почувствовал, как у него пересохло во рту.

Он смотрел на экран, где на поверхности Марса едва заметно менялось распределение полей. Всё выглядело почти красиво: тонкие линии смещались, узлы вспыхивали и гасли, напряжение плавно перераспределялось по глубинным слоям коры.

Красиво.

Точно.

Страшно.

На Марсе первым изменился воздух.

Он стал тяжелее.

Потом дрогнула почва. Не сильно — так, что дети у реки сначала даже засмеялись.

— Земля шевелится! — крикнул один мальчик.

Женщина у воды резко обернулась.

— Назад! — крикнула она.

Но второй толчок пришёл уже не как дрожь. Как удар.

Где-то за склоном с глухим звуком сорвался каменный пласт. Птицы, до этого сидевшие на ветвях, взлетели разом, словно их подбросили в небо.

Собаки сорвались с места.

Вода у берега вздрогнула и вдруг пошла назад, как будто река на мгновение передумала течь вперёд.

Элар поднялся слишком резко для своего возраста. Его лицо стало неподвижным.

— Это не ветер, — сказал он.

— Что? — не понял Илар.

Но в этот момент земля треснула.

Не по всей долине сразу. Сначала тонкой линией между двумя камнями. Потом ещё одной. Потом вдруг целый участок почвы, ещё секунду назад ровный, раскрылся тёмной щелью.

Раздался крик.

Одна женщина, державшая ребёнка за руку, едва успела отдернуть его назад. Мальчик упал, ободрал ладони, и закричал от боли и страха.

Илар бросился к ним.

— Выше! — крикнул Элар. — Всем выше! К склонам!

Люди побежали.

Кто-то к детям.

Кто-то к домам.

Кто-то к складам с зерном и водой.

Кто-то просто туда, где земля казалась твёрже.

На Фабосе инженерные сектора зафиксировали рост реакции.

— Первичный контур превышает модель на девять процентов.

— Коррекция?

— Наблюдаем.

Координатор стоял неподвижно.

— Остановите, — сказал он.

Председатель даже не посмотрел на него.

— Ещё рано.

На Марсе второй удар пришёл глубже.

Он шёл не по поверхности — он шёл изнутри, как будто сама планета, долго молчавшая, вдруг застонала.

Склон у дальнего поселения начал осыпаться. Камни летели вниз тяжёлым гулом, ломая деревья. Один дом у реки сложился внутрь себя так быстро, что люди не успели даже крикнуть.

Илар схватил девочку, стоявшую у края нового разлома, и оттолкнул её к матери. За его спиной взметнулось облако красной пыли — там обрушился каменный выступ.

Элар не побежал сразу. Он стоял на холме и смотрел на землю с почти невозможной для такого мгновения внимательностью.

— Это не Марс, — сказал он тихо. — Это не он...

Илар подбежал к нему.

— Идём!

Но старик ещё секунду смотрел вниз, будто пытался услышать в катастрофе какой-то закон.

Закона не было.

Было насилие.

Третий толчок ударил так сильно, что оба упали.

На Фабосе графики пошли вверх.

— Локальная нестабильность распространяется за пределы сектора.

— Коррекция?

— Продолжать наблюдение.

Севан резко повернулся к Председателю.

— Вы это видите? Это уже не тест. Остановите систему.

Председатель смотрел только на данные.

— Мы ещё не достигли предела реакции.

Севан почувствовал такую ярость, какой не испытывал никогда.

— Потому что предел уже не в графиках! Он там, — он указал на Марс, — в людях!

Но его никто не слушал.

На Марсе началась настоящая паника.

Люди кричали имена друг друга.

Звали детей.

Тащили на себе стариков.

Хватали мешки с зерном, воду, инструменты, покрывала.

Кто-то молился.

Кто-то бежал молча.

В реке поднялась странная круговая воронка у самого берега, а потом вода резко ушла в сторону, открыв грязное скользкое дно.

— Не к воде! — кричал Элар. — Выше!

Но часть людей уже бросилась к реке, потому что только там знала дорогу и пространство.

Над долиной поднялась красная пыль.

И тогда впервые Марс стал умирать.

Не мгновенно.

Не в один удар.

Но необратимо.

А на Фабосе цифры всё ещё двигались по экранам так ровно, словно речь шла не о смерти мира, а о проверке новой инженерной гипотезы.

И именно это было самым страшным.
Не сила удара.
А то, что для одних это была гибель дома,
а для других — подтверждение расчёта.

ГЛАВА VI РАЗРУШЕНИЕ

После первого удара никто уже не верил, что всё закончится быстро.

На Марсе бывали катастрофы. Всякая живая планета переживает свои бури, засухи, осыпания гор, уход рек, холодные годы и горячие годы. Но всё это всегда подчинялось ритму мира. У каждого бедствия были предвестники. У каждой трещины — причина. У каждого шторма — дыхание.

Теперь было иначе.

Разрушение не шло по законам Марса.

Оно шло против него.

Фабос ударил не по городам и не по людям. Он ударил по самой ткани планеты — по глубинным узлам, по напряжениям, которые держали равновесие коры, воды и огня. Они думали, что это будет точечное воздействие, проверка устойчивости, научный эксперимент, подтверждение их правоты.

Но живая планета не является механизмом.

И Марс ответил.

Сначала люди не понимали, что происходит. Они видели только последствия. Земля дрожала всё чаще. Трещины открывались там, где никогда их не было. Вода в реках то уходила вниз, то возвращалась мутными волнами. Из земли поднимался горячий пар. Каменные пласты срывались со склонов без ветра. Леса ложились, как трава под тяжёлой ногой.

Поселения исчезали одно за другим.

Люди бежали на возвышенности, собирались в группы, уводили детей, несли воду, зерно, инструменты. Они ещё надеялись, что это закончится, что планета успокоится, что можно будет вернуться.

Но Марс не успокаивался.

Он собирал силу.

Старый Элар однажды ночью вышел на каменный выступ над лагерем выживших. Илар пошёл за ним. Внизу, в темноте, ещё виднелись огни костров. Дальше лежала чёрная, сломанная земля.

Элар опустился на колени и приложил ладонь к почве. Он долго сидел так, не двигаясь, будто слушал что-то, что не слышал никто другой.

— Он не просто умирает, — сказал старик тихо.

— Он собирает ответ.

— Кто? — спросил Илар.

Элар поднял голову.

— Марс.

Илар хотел возразить, но в этот момент глубоко под ногами прошёл глухой удар, не похожий на обычное землетрясение. Это было что-то другое — медленное, тяжёлое, как движение огромного тела.

— Они ударили туда, где думали, что слабость,

— сказал Элар. — Но иногда в самом глубоком месте мира лежит не слабость, а память.

На Фабосе тем временем всё ещё пытались считать.

В огромных залах плавали проекции Марса, графики, линии напряжений, энергетические контуры. Аналитики говорили сухими голосами, как будто речь шла не о планете, а о лабораторной модели.

— Распространение нестабильности превышает прогноз.

— Требуется корректировка воздействия.

— Фиксируется обратный резонанс глубинных полей.

— Что значит «обратный резонанс»? — спросил Председатель Совета.

Один из аналитиков замялся.

— Планета... реагирует не так, как должна.

— Точнее, не как объект воздействия.

— Она входит в резонанс и возвращает энергию в систему.

— Планеты не возвращают энергию, — холодно сказал Председатель. — Возвращают системы.

Севан, стоявший у края зала, тихо ответил:

— Тогда у нас проблема. Потому что Марс ведёт себя не как система.

Координатор медленно произнёс:

— Остановите воздействие.

— Мы не можем просто остановить, — ответил инженер. — Мы уже сдвинули глубинные поля. Резкая остановка может вызвать неконтролируемый выброс.

— А продолжение уже не вызывает? — спросил Координатор.

Инженер не ответил.

Это молчание было страшнее любых цифр.

На Марсе тем временем начались разрушения, которые уже нельзя было назвать катастрофой. Это была гибель мира.

Целые долины уходили вниз. Реки меняли русла за одну ночь. Там, где стояли дома, появлялись трещины, уходящие в темноту. Люди вытаскивали друг друга из-под обвалов, несли раненых, собирали детей, кричали имена тех, кто остался за разломами.

Но планета продолжала накапливать напряжение.

В одну из ночей земля задрожала не толчками, а непрерывно. Камни тихо стучали друг о друга. Вода в сосудах пошла кругами. Животные выли. Люди вышли из укрытий и стояли, не понимая, что происходит.

Элар снова приложил руку к земле и вдруг резко убрал её.

— Началось, — сказал он.

— Что? — спросил Илар.

Старик посмотрел на небо.

— Ответ.

На Фабосе в этот момент все системы одновременно дали сбой.

Сначала погас свет в одном из энергетических колец. Потом в другом. Потом пошли сбои в транспортных уровнях. Потом датчики показали скачок напряжения, которого не могло быть по расчётам.

— Фиксируется мощный выброс из зоны Марса!

— Энергетический фронт идёт по межпланетному пространству!

— Перегрузка контуров!

— Защиту! — крикнул Председатель.

— Не успеем!

Удар пришёл не как взрыв.

Он пришёл как волна.

Глубинный резонанс Марса, усиленный разрушением собственной структуры, вернулся по тем самым энергетическим каналам, по которым Фабос пытался управлять воздействием. Всё, что они направили на Марс, вернулось, но уже усиленное гибелью планеты.

Фабос принял этот удар на себя.

Сначала дрогнули платформы.

Потом по нижним уровням пошли трещины. Люди, привыкшие к тому, что их мир не знает землетрясений, сначала даже не поняли, что происходит. Башни начали смещаться. Прозрачные переходы лопались с сухим звоном. Энергетические кольца вышли из синхронизации.

— Удержать ядро!
— Стабилизировать орбиту!
— Перекрыть внешние контуры!
Но было уже поздно.

Трещина прошла через центральный сектор, как молния через стекло. Огромные платформы начали отходить друг от друга. Нижние уровни обрушивались. Люди бежали по переходам, которые ещё вчера казались вечными.

Севан бежал через коридор, когда увидел, как по стене рядом с ним ползёт трещина — тонкая, быстрая. Через секунду часть пола ушла вниз вместе с конструкцией.

Он едва успел отскочить.

Координатор стоял в центральном зале и смотрел на проекцию, где по изображению Фабоса шла огромная линия разлома.

— Мы сделали это сами, — сказал он тихо.

Председатель, бледный, с искажённым лицом, ответил:

— Это Марс!

Координатор повернул к нему голову.

— Нет.

Это страх, который назвал себя разумом.

В этот момент весь зал вздрогнул. Свет погас. Раздался грохот, как будто сама планета раскололась внутри.

Так и было.

Фабос начал распадаться.

Сначала оторвался один внешний массив. Потом ещё один. Огромные сектора уходили в пространство. Города, уровни, энергетические кольца, платформы — всё, что веками строилось как единый мир, теперь разлеталось в космос кусками.

Люди кричали.

Металл рвался.

Свет вспыхивал и гас.

Воздух наполнялся пылью и искрами.

Фабос перестал быть планетой.

Он стал полем обломков.

Некоторые фрагменты сгорели в атмосферах. Некоторые ушли в холод пространства. Некоторые превратились в облака камня и металла.

Но один огромный осколок, вырванный из тела планеты, не исчез.

Он ушёл по новой траектории — медленной, неуправляемой. Пространство вело его дальше, пока он не попал в притяжение молодой Земли. Земля захватила его и удержала рядом с собой.

Так появился новый спутник.

Так родилась Луна.

Не просто камень в небе.

А осколок погибшей цивилизации, навсегда повисший над будущим человечеством как память о мире, который решил, что имеет право менять чужие судьбы.

На Марсе люди ещё не знали этого. Они продолжали спасаться, несли детей, воду, зерно, имена погибших. Они думали только о том, как прожить ещё один день.

Но однажды ночью Элар посмотрел на небо и увидел новый свет.

— Видишь? — спросил он Илара.

— Что?

Старик указал вверх.

Там, где раньше не было ничего, висел бледный круг.

Чужой.

Тихий.

Неживой.

— Это их мир, — сказал Элар. — Теперь он будет смотреть на нас всегда.

Илар долго смотрел на небо, не понимая, почему от этого света у него сжимается сердце.

Марс ещё умирал.

Фабос уже был мёртв.

А Земля, сама того не зная, получила в своё небо кусок чужой погибшей истории.

И именно в тот момент во Вселенной стало на одну цивилизацию меньше — и на одну историю больше.

А на Марсе остались только выжившие. И среди них были не только марсиане.

Теперь и фабосцы стали выжившими.

И это изменило всё.

ГЛАВА VII ВЫЖИВШИЕ

После гибели Фабоса и разрушения Марса во Вселенной не осталось победителей. Остались только выжившие. Марсиане потеряли свой мир.

Фабосцы потеряли свою планету. Теперь они все были одинаково бездомными, и именно поэтому им пришлось научиться жить рядом.

Катастрофа уничтожила два мира,
но впервые сделала их жителей равными.
Раньше одни смотрели сверху, другие снизу.
Теперь все смотрели друг другу в глаза,
потому что у всех больше не было дома.
Раньше они были марсианами и фабовцами.
Теперь они были просто выжившими.

После второй недели разрушения люди перестали спрашивать, закончится ли это.

Они начали спрашивать другое:

- Где ещё есть вода?
- Какие дороги не ушли под землю?
- Кто видел южные семьи?
- Есть ли смысл идти дальше?
- Сколько детей?
- Сколько раненых?
- Сколько нас?

Это были вопросы не жизни.

Это были вопросы выживания.

Люди собирались в большие группы. Раньше поселения Марса были связаны родством, обменом, дорогами, памятью. Теперь всё это сжалось до одного простого закона: держаться вместе.

Один человек на умирающей планете был почти мёртв.

Группа ещё могла жить.

На одной из возвышенностей вырос лагерь. Он не был красивым. Его собрали наскоро: из ткани, досок, металлических панелей, обломков прежних домов. Но именно сюда теперь шли выжившие.

Они приходили покрытые пылью, усталые, с красными глазами, с короткими, страшно короткими новостями.

- Север ушёл.
- Западные поля сгорели.
- У воды больше нельзя стоять.
- Южные мастерские ещё держатся.
- Моста нет.
- Из долины никто не вышел.

Каждая такая фраза ложилась на лагерь как тяжёлый камень.

Элар сидел у края лагеря и смотрел на лица. Возраст уже не позволял ему встречать каждого, но он видел достаточно, чтобы понимать: лицо потери всегда одинаково. Каким бы ни был человек, после катастрофы у всех одно выражение — будто часть взгляда навсегда осталась там, где они потеряли дом.

Илар почти не спал. Он ходил между кострами, у складов, у навесов для раненых, у мест, где держали воду. Ему казалось, что если он остановится, лагерь тут же рассыплется, как всё остальное.

Однажды ночью к нему подошла девочка лет восьми. Она держала в руках узелок с семенами.

— Это всё, что осталось у нас, — сказала она.

Илар присел, чтобы быть с ней на одном уровне.

— Чьи это семена?

— Моей матери.

— Где она?

Девочка не ответила. Только сильнее сжала узелок.

Илар понял.

— Тогда ты хорошо их хранишь, — сказал он.

Она подняла на него глаза.

— Они вырастут?

Илар посмотрел на маленький свёрток у неё в руках. Потом на мёртвую пыль вокруг.

— Да, — сказал он. — Если мы найдём землю.

Девочка кивнула, будто он только что не пообещал почти невозможное, а сказал простую, надёжную вещь.

В лагере были не только люди из их долины. Приходили семьи с востока, с юга, из дальних поселений, о которых они раньше знали только по обмену и рассказам. Марс умирал, а вместе с ним стирались и все старые границы.

Но вместе с этим стиралось и чувство отдельности.

Женщина из северного племени отдавала воду южанке.

Мужчина с восточных склонов чинил носилки для чужих стариков.

Дети сидели у одного костра, уже не различая, кто откуда.

Катастрофа ломала всё лишнее.

Илар всё чаще замечал, что Элар смотрит не на землю, а на людей.

— Что ты видишь? — спросил он однажды.

Старик ответил:

— То, что держит нас дольше камня.

— Что?

Элар обвёл взглядом лагерь.

— Людей.

Пока они помогают друг другу — Марс не умер окончательно.

Но к концу второй недели пришла ещё одна новость.

Не о разломе.

Не о воде.

Не о погибших поселениях.

О фабовцах.

Группа с восточных склонов дошла до старых наблюдательных площадок — тех самых, где когда-то стояли чужие конструкции, слишком прямые, слишком холодные для живой планеты. Там ещё оставались люди Фабоса. Не все. Выжившие. С техникой. С оборудованием. И — как говорили очевидцы — они что-то строили.

Лагерь раскололся мгновенно.

— Нам нельзя к ним идти.

— Это из-за них всё.

— Лучше умереть здесь, чем просить у них помощи.

— А детям ты это тоже скажешь?

— Может, у них есть корабли.

— Может, у них есть только новая ложь.

Споры шли до глубокой ночи.

Илар молчал долго. Слушал. Смотрел на лица. На одних была ярость. На других усталость. На третьих — то самое страшное выражение, когда человек уже не спорит за правду, а просто ищет шанс прожить ещё день.

Наконец Элар поднялся. Медленно, опираясь на посох, но так, что голоса сами затихли.

— Мы уже живём после конца мира, — сказал он. — Значит, выбирать нам теперь придётся не между хорошим и плохим. А между плохим и последним.

Тишина легла на лагерь.

Он обвёл всех взглядом.

— Если бы Марс ещё можно было спасти, я бы первым запретил идти к ним. Но Марс уже не спасти. И если у тех, кто виноват в нашей боли, осталось знание, способное вытащить нас за пределы смерти, — мы обязаны хотя бы услышать.

Один из мужчин резко сказал:

— Ты хочешь, чтобы мы просили милости у тех, кто убил наш мир?

Элар посмотрел на него.

— Нет.

Я хочу, чтобы у детей был шанс вырасти достаточно, чтобы однажды самим решить, как вспоминать нашу боль.

После этих слов спор уже не мог продолжаться по-старому.

К утру выбрали небольшую группу. Не только сильных — тех, кто умел говорить, слушать, договариваться, помнить. Среди них был Илар. Он уходил в путь, зная, что идёт не просто искать помощь. Он идёт к тем, чья вина лежит на всей земле вокруг.

Перед уходом к нему подошла та самая девочка с узелком семян.

— Ты вернёшься? — спросила она.

Илар хотел сказать «да». Но не смог.

— Я вернусь, если смогу.

Девочка посмотрела на него внимательно.

— Тогда смоги.

Эти два слова были тяжелее любой клятвы.

ГЛАВА VIII ОСОЗНАНИЕ

Путь к фабовцам занял дольше, чем должен был.

Марс менял собственные расстояния. Там, где раньше можно было пройти за день, теперь шли три. Старые тропы исчезали, новые ещё не успевали родиться. Склоны осыпались без предупреждения. Под твёрдой на вид землёй иногда оказывалась пустота.

Они шли осторожно.

Передний человек проверял путь длинным шестом. Если почва звучала глухо, обходили. Если вдалеке шёл подземный гул — останавливались и ждали. Если воздух становился слишком тёплым у самых ног, уходили в сторону.

На второй день они вышли к погибшему лесу.

Когда-то здесь было прохладно даже в жару. Высокие деревья шумели от ветра, а под ними тянулись тропы, по которым дети бегали за ягодами. Теперь лес лежал, вывернутый и переломанный. Корни торчали из земли, как кости. Между стволами стелился серый туман пепла.

Илар остановился первым.

— Здесь мы собирали кору на отвары, — тихо сказал кто-то позади.

— А я здесь впервые заблудился в детстве,

— ответил другой.

Элар, которого несли на лёгкой платформе, открыл глаза.

— Не смотрите слишком долго назад, — сказал он. — Разрушение любит, когда на него смотрят.

Они пошли дальше.

К вечеру третьего дня показались конструкции.

На фоне умирающей планеты они выглядели как чужие кости, вбитые в тело Марса. Металл, прямые линии, мостки, площадки, свет, слишком ровный даже на расстоянии. Это место не было живым. Оно было сделанным.

Фабовцы уже ждали.

И это почему-то раздражало сильнее всего.

Если бы они прятались, если бы ставили защиту, если бы делали вид, что ничего не произошло, было бы проще. Проще ненавидеть. Проще не слушать.

Но навстречу им вышли люди, которые выглядели уставшими почти так же, как они сами.

Первым шагнул Севан.

Илар сразу узнал в нём не простого техника. В походке, в взгляде, в манере держать лицо было что-то от тех, кто привык мыслить сразу на несколько шагов вперёд.

— Мы ждали, что вы придёте, — сказал Севан.

Один из марсиан рядом с Иларом рванулся вперёд.

— Ждали? — хрипло повторил он. — Вы ждали? После всего?

Он бросился бы дальше, если бы Илар не схватил его за плечо.

Севан не отступил.

— Мы не можем вернуть Марс, — сказал он.

Эта фраза разозлила всех сильнее, чем оправдание.

— Замолчи, — бросил мужчина. — Не смей говорить это так, будто речь о сломанной машине.

Севан выдержал его взгляд.

— А как мне говорить?

О том, что мы тоже потеряли мир?

О том, что ваш Марс погиб по нашей вине?

Да. Это правда.

После этих слов стало тихо.

Потому что правда, произнесённая без защиты, иногда сильнее крика.

Элар медленно приподнялся на носилках.

— Тогда зачем вы здесь? — спросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.